

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Публикуемые главы — фрагмент из книги известного востоковеда Алексея Михайловича Васильева “Египет и египтяне”. Васильев долгие годы работал корреспондентом “Правды” в Египте и прекрасно знает эту крупнейшую страну арабского мира. Ныне он возглавляет Институт Африки Российской академии наук.

Книга Васильева привлекает не только яркостью зарисовок, живостью диалогов и другими художественными достоинствами. Характер египтянина, запечатлённый автором, оказывается близок характеру русского человека. Нас часто сравнивают с соседями-европейцами и с пренебрежением, а зачастую и с осуждением отмечают несхожесть. Однако недаром Россия считается евразийской державой. Какие-то черты нашего национального характера близки к европейским, но многое в нас от людей Востока. То же терпение, о котором с таким глубоким пониманием и сочувствием пишет Васильев.

Мы, русские, привыкли гордиться своим терпением. Египтяне славят его в пословицах. Но, как показывает Васильев, они — в отличие от русских — не относятся к чертам своего национального характера, как к некоей вечной данности. Психологи, политологи, да и простые египтяне сообразуются с духом и вызовами времени. Не отказываясь от себя, они готовы отказаться от многого в себе. И от терпения, в частности. Есть ситуации, когда оно благо. Но в других — терпение во вред. И не только отдельному человеку, но и целому народу. И тогда не стоит ссылаться на то, что мы, дескать, такие и другими быть просто не можем. Хотим выжить — придётся меняться. Думается, в этом важный урок работы Васильева для русских читателей.

А. Казинцев

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ШЕСТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ТЕРПЕНИЯ

“Ас-сабр — хэйр” (Терпение — добро).
Египетская пословица

Деспотизм и насилие, с одной стороны, низкопоклонство и смирение — с другой, — глубочайшие и худшие черты египетской жизни в течение веков. Мы не должны бежать от этой правды или стесняться её. Нужно подходить к ней с научным анализом и объективным объяснением, чтобы убедиться, до какой степени это временная, преходящая черта и до какой степени она — неотделимая часть нашей цивилизации.

Гамаль Хамдан. Личность Египта

Даже бедуин, считающийся крайним индивидуалистом, знает, что его личная безопасность и материальное благополучие зависят от соплеменников и сородичей. Он должен подчиняться племенным обычаям, нормам поведения, этике. В любом обществе личность зависит от коллектива — известная истина эта применительно к Египту приобретает авторитет абсолюта. Превра-

щение болотистой поймы Нила в оазис-кормилец, создание и поддержание единой, общенациональной системы ирригации требовали и требуют объединения усилий всего народа. В условиях, когда жизнь человека зависит от труда многих, от их кооперации, групповое начало и групповая дисциплина стали характерной чертой египетского общества.

Феллаху индивидуализм противопоказан. Но он оказывается невозможным и для городских низов, ремесленников, торговцев. Их быт и профессиональная деятельность раньше, а в значительной мере и сейчас жестко регламентированы цеховой или полухеховой структурой или ее пережитками, давлением шариата, силой общественного мнения. Бюрократия, чиновничья среда исключают индивидуализм в любом обществе.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, индивидуализм в Египте был чужд и высшим слоям общества, власть имущим хотя бы потому, что Египет вплоть до конца XIX века не знал феодальной земельной аристократии европейского типа.

В Средние века рабская гвардия султанов — мамлюки — превратилась в господствующий слой Египта, не получив права на наследственные земельные владения. Положение в принципе не изменилось и после завоевания страны турками-османами. Мамлюкский, а затем османо-мамлюкский феодализм строился на зависимости господствующего слоя от верховной власти, на коллективной эксплуатации населения и распределении доходов сверху вниз — от верховной власти к следующим ее эшелонам.

“Он подал в отставку и уехал в свою деревню”, — такая фраза, понятная и обыденная для европейских помещиков, состоявших на государственной службе, не могла быть произнесена в средневековом Египте. “В отставку” с государственных постов уходили в Египте лишь по старости лет или по немощи, теряя при этом почти все доходы и привилегии. “Во всех человеческих обществах богатство является источником власти, — писал египетский экономист и социолог Фуад Мурси. — В Египте же власть — источник богатства”. Благополучие и общественный статус “верхов” в Египте вплоть до конца XIX века и в значительной мере в наши дни определяются местом человека в гражданской и военной иерархии.

В мамлюкский и османо-мамлюкский периоды, когда военное сословие практически не знало кровнородственных связей, в его среде господствовал корпоративный дух. В современных условиях в египетских “верхах” он сочетается с кровнородственными и групповыми связями и обязательствами.

Для египтянина естественно подчинять свои интересы интересам группы, учитывать мнение других, следовать общественной дисциплине. Казалось бы, это утверждение противоречит практике. Иностранец в Египте с первых шагов сталкивается с бурлящим индивидуализмом, с неразберихой аэропорта или морского порта, с невообразимым хаосом уличного движения, в котором каждый игнорирует каждого и все игнорируют все правила. Необязательность, недисциплинированность египтян на службе и работе — довольно распространенное явление. Египтяне в своем поведении как будто руководствуются лишь собственными эмоциями и интересами.

Если прислушаться к голосам героев литературных произведений, то в них часто найдешь боль одиночества, социальный атомизм, отчуждение от общества, подозрительность к окружающим. Но страдания одиночки в коллективистском обществе как раз показывают, насколько египтянин психологически нуждается в принадлежности к большой семье, к большой группе, которой он будет давать и у которой будет брать.

В городе мы имеем дело как раз с нетрадиционными, новыми для египтян сферами человеческой деятельности. Египетский феллах следует дисциплине сельскохозяйственных работ, смене сезонов, разливам Нила и, не размышляя, подчиняется распорядку труда и быта в деревне, укладу, сложившемуся за тысячелетия. Его коллективизм существует в рамках общины, деревни, традиционных социальных связей. Однако, попав в город, оторвавшись от привычного уклада, столкнувшись с чуждыми ему современными городскими культурой и бытом, к тому же еще не устоявшимися, феллах просто не находит себе подходящего места. В городе, если он лишен контроля земляческой или религиозной общины, он может стать сверхиндивидуалистом, особенно в быту. Египетское общество просто не прошло через дисциплину и организацию

современной жизни, современного производства. Ломка психологии и характера народа – процесс долгий, сложный и болезненный.

Созданию духа групповой принадлежности способствует также скученность населения. Она требует приспособления человека к толпе, клану, общине, вырабатывает соответствующие привычки, навыки, этические нормы.

В Египте было тесно, тесно и сейчас, а будет еще теснее. Плотность населения в пойме Нила вдвое выше, чем в Голландии. Уйти от людей некуда, только в пустыню, но пустыня враждебна, чужда и не кормит. В Египте нет гор, лесов, степей, островов, неосвоенных земель, куда можно было бы убежать или где можно было бы скрыться.

Бедуин, попавший в город, возвращается в пустыню расслабляться и отдыхать. Горожанин и феллах расслабляются в толпе. Постоянно, из поколения в поколение, он живет в человеческой массе. Он – часть этой людской массы и до недавнего времени не представлял себе другой жизни. Миграция и эмиграция изменяют нравы, но это – явление последних лет.

С соседями нужно уживаться. От них нельзя избавиться. Они всегда рядом – в радости и горе, в дружбе и вражде, в нужде и довольстве. Пословица говорит: “Не успеешь сказать: “Эй, родичи!” – соседи тут как тут”. И еще: “Твой сосед – и перед тобой, и за тобой, даже если его не видно”.

Сделаем небольшое отступление. Я не раз обращался и буду обращаться к египетским пословицам. Они помогают нам понять национальный характер египтян. Но мы не должны забывать, что перевод пословиц на русский язык может передать смысл, потеряв их поэзию, игру слов, выразительность. Соответствующие русские эквиваленты, сохраняя поэтичность, могут ввести в заблуждение, поскольку родились в других условиях, в другой социально-психологической среде.

Пословица выступает как закон, судья и общественный барометр поведения человека и группы. Она – педагог и воспитатель, она же – острое оружие, которым защищают традиции от покушения на них. Однако мудрость веков, сконцентрированная в пословицах, может быть противоречивой, потому что пословицы передают и выражают опыт разных социальных групп в различные времена. Они – сконцентрированный, опозитизированный опыт, но это опыт качества, а не количества. Английский философ Бертран Рассел писал: “Пословица – это мудрость коллектива и ум отдельного человека”.

Варианты пословицы “Сначала ищи соседа, а потом покупай дом” известны и в других странах, но для Египта она звучит как непреходящая мудрость и не терпящий возражений совет. Египетские пословицы рекомендуют быть уживчивым, достигать взаимопонимания с соседом, проявлять терпимость: “Желай добра соседу – увидишь и в своем доме добро”, “Если хорошо твоему соседу, то хорошо и тебе”. Интересы людей переплетаются. В деревне соседи зависят друг от друга.

В Египте известен один из хадисов (преданий о жизни пророка Мухаммеда) с изречением, приписываемым ему самому: “Архангел продолжал давать мне советы, как вести дело с соседом, пока я не подумал, что он будет его наследником”.

Уживчивость требует умения находить компромиссы, избегать крайностей, и именно таковы египтяне – мастера компромисса, среднего решения. Все они ищут и часто находят золотую середину. Они стремятся принять обновление, не отказываясь от старого, модернизироваться, сохраняя традиции, и даже хотели бы совершить революцию без насилия и... без особых перемен. Несмотря на вспышки фанатизма, в настоящее время, как и в далеком прошлом, египтяне проявляют достаточно веротерпимости.

Это прежде всего относится к деревне. Урбанизация меняет и ломает прежний образ жизни. Разве большой город не приносит определенной независимости отдельному человеку? Разве горожанин не отрывается от клана, большой семьи? И да и нет. Переселяясь в город, люди поддерживают связи со своими кланами, группами, землячествами, отнюдь не сразу расстаются с прежними убеждениями. Связь человека с большой кровнородственной, религиозной, земляческой группой, как правило, сохраняется и в городе и оказывает воздействие на его поведение и образ жизни. Нравы и обычаи, выработанные в деревне, долго еще живы в городе, даже если они утратили прежний общественно-функциональный смысл.

Сверху донизу египетское общество – и отнюдь не только в деревне – пронизано системой групповых связей. Они строятся и по кровнородственному признаку, самому надежному, хотя трайбализма, племенных связей в аравийском, не говоря уж об африканском понятии, здесь почти нет. Также и по религиозному принципу, по принадлежности к суфийским орденам – братствам мусульманских мистиков, к сектам, по земляческим, корпоративным связям. Личное отношение в принципе важнее профессиональной компетентности, хотя современное производство и организация иногда навязывают и современные требования к подбору людей. Индивидуум силен, если сильна группа, к которой он принадлежит. Иногда иностранец сталкивается с нежеланием египтянина пойти на явно выгодный шаг. Дело нередко объясняется отнюдь не его “иррациональностью”, а стремлением учитывать не только свои, но и групповые интересы.

Египтянин боится одиночества, изоляции и инстинктивно, и вполне сознательно: в одиночку он не имеет общественного веса и престижа, в группе он приобретает уверенность в себе и чувство надежности и безопасности. Даже яркие художники, писатели, певцы, актеры должны иметь круг друзей, единомышленников, покровителей.

Власть группы опирается на силу общественного мнения – абсолютного в деревне и относительно человека в городе. Общественное мнение, осуждая или одобряя отдельного человека, навязывает ему определенные этические нормы, оставляя мало свободы в выборе поведения. В деревне нет аппарата для навязывания общественного мнения, но если человек попытается уклониться от принятых норм поведения, ему напомнят о них даже с помощью физического насилия, если не подействует всеобщее осуждение.

Неформальное общественное мнение – *калям ан-нас* (“то, что люди говорят”) – оказывает зачастую большее влияние на людей, чем формальные законы, не говоря о рассуждениях городских высокообразованных интеллектуалов.

Разговор, сплетня, рассказ, прозвище – вот что создает общественное мнение в деревне или городском квартале. Община вырабатывает свои нормы поведения, и индивидуум должен к ним приспосабливаться. Дети приучаются ориентироваться на *калям ан-нас*, а для женщин – это возможность путем разговоров или сплетен у колодца, крана, канала или в бакалейной лавке доказать свою социальную значимость.

Самый большой грех – недостойное поведение в сексуальной жизни, которое наносит ущерб гордости и чести не только конкретной семьи, но и всей общины. Жестокая расправа отца и братьев с “согрешившей” девушкой или женщиной всегда найдет одобрение в общине.

Мужчина и женщина, уважаемые в общине, должны знать *усуль* (нормы поведения, в том числе и свое место в социальной иерархии) и *ахляк* (“добрый нрав”, этические нормы), а также обладать *муджамалят*, то есть вежливостью, умением говорить приятные вещи друг другу.

Египтянин постоянно – сознательно или нет – соизмеряет свои слова и поступки с реакцией на них других. “А что скажут люди?” – эта мысль всегда присутствует, когда человек оценивает свои поступки. Отсюда – стремление сохранить лицо. Это стремление “означает чрезвычайную чувствительность, доходящую до болезненной реакции на все, что касается личной чести, боязнь мнения соседей – явление, свойственное египтянам больше, чем другим народам”, – пишет египетский социолог Иззат Хигази. Пожалуй, можно согласиться с ним, хотя в Японии, Китае, Вьетнаме задача “сохранить лицо” играет еще большую роль, чем в Египте. “Стремление избежать ошибки, не показаться смешным или недостойным часто заставляет египтянина совершать самые немыслимые поступки и в исключительных случаях совершать самоубийство, что почти невероятно для мусульманина”, – продолжает Хигази. Он считает, например, что использование студентами шпаргалок на экзаменах объясняется не только стремлением сдать экзамен, но и опасением быть униженным в глазах товарищей и преподавателей.

Если египтянин делает что-либо, от чего непосредственно не зависит его благополучие, для него часто важнее не выполнение самой работы, а мнение других, что работа выполнена. Эта довольно распространенная черта характера становится всеобщей в административном аппарате. Видимость деятельности, очковтирательство, пускание пыли в глаза – свойство любой бюрократии, а уж египетской и подавно.

Боязнь потерять лицо, а также убежденность, что все predeterminedено свыше, не позволяют египтянину признать, особенно публично, свою ошибку или проступок. Самокритика невозможна, точнее, она — исключение из правил. Или египтянин прав, или виноват кто-то другой: судьба-кадар, потусторонняя сила, воля Аллаха. При задаче “сохранения лица” критерий правды и лжи становится второстепенным. Правда предпочтительнее. Она — идеал. Правдивый человек вызывает уважение. Но правда и потеря лица несовместимы. Поэтому ложь во спасение допустима. Даже улемы-богословы могут найти аргументы для отступления от правды при определенных обстоятельствах.

Когда ложь во спасение невозможна, например, если нужно сообщить наверх, начальству неприятную новость, нередко инстинктивно стараются оттянуть выполнение этой опасной обязанности.

Известный египетский журналист Мухаммед Хасанейн Хейкал писал в “Аль-Ахрам” 28 июня 1968 года, что во время войны 1967 года израильтяне учли это свойство национального характера египтян. Они не могли нанести удар сразу по всем египетским аэродромам, но бомбили их последовательно с интервалом в несколько минут, верно рассчитав, что начальники баз не сообщат сразу наверх неприятную информацию, и всеобщая тревога не будет объявлена немедленно. Действительно, внезапность удара сохранилась и при бомбежке наиболее отдаленных аэродромов. “Этот порок дал врагу десять минут, в которых он нуждался для того, чтобы осуществить внезапное нападение на одиннадцать военно-воздушных баз, — писал Хейкал. — Первый удар наносился по передовым аэродромам на Синае, однако порок поведения сыграл свою роль в том, что другие не были быстро предупреждены, и были потеряны драгоценные минуты”.

Социолог и политолог Сейид Ясин, впрочем, возражал против хейкаловской оценки тех событий. Он утверждал, что пассивность и сверхосторожность отличали лишь психологию низшей части среднего класса, который поставлял кадры для насеровского режима, но отнюдь не были свойством египетского национального характера.

Современные требования жизни диктуют свою манеру поведения. Национальный характер не может оставаться неизменным, он меняется, но процесс этот долгий.

Все же и в Египте высшее проявление человеческого достоинства видят в том, чтобы говорить правду в лицо правителю. “Если возвышается слово, возвеличивается дух”, — говорит пословица.

Стремление “сохранить лицо” в Египте, конечно же, не абсолютно, а относительно. В первую очередь оно касается чести семьи, чести женщины. В студенческие годы и позднее я был свидетелем рукоприкладства старших по отношению к младшим, хозяина — к слуге, однажды офицера — к солдату. Тут уж не о потере лица шла речь. Терпение к гнету сверху, поправление человеческого достоинства сверху — слишком знакомое состояние для египетских низов, и рукоприкладство не взрывается ответным насилием. Но допустить власть имущий надругательство над честью семьи, матери, жены — ответ будет дан.

Жизнь в коллективе, зависимость одного от всех выработали нормы общения между людьми, которые не могут не вызывать глубокие симпатии к египтянам, как и к другим арабам. Гостеприимство и вежливость у египтян в крови. Я уж не говорю о внимании и заботе друзей. Если ты идешь по улице и дружески кивнул и улыбнулся бедолаге, который промышляет случайным заработком, а в этот момент он вскипятил себе на примусе единственную отраду — крепкий чай, его немедленная реакция будет: “*Тафаддаль!*” (“*Пожалуйста!*”) — он предлагает разделить с ним его скромнейшую трапезу.

Описаний таких обычаев гостеприимства в истории Древнего Египта я не встречал. Скорее всего, их принесли с собой арабы-завоеватели и влили их в характер арабского египетского народа. Гостеприимство считается долгом и частью общественного статуса. Прослыть скупым, не оказать чести гостю — для египтянина позор. Но, впрочем, и в наши дни феллах не сможет превзойти в гостеприимстве бедуина.

Гостеприимство идет рука об руку с вежливостью. С ненамеренным хамством сталкиваешься в исключительных случаях, если не путаешь его с необязательностью. Оно может проявиться в переполненном общественном транспорте

или в бюрократическом учреждении, где ты забыл дать бакшиш. В сфере обслуживания, где ты за услугу платишь, оно почти исключено. Однако грубость высших по отношению к низшим, особенно в бюрократической среде, встречается нередко.

Вежливость не допускает фамильярности. Любой египтянин очень тонко реагирует на статус человека, с которым общается, на его место в социальной иерархии. Быть запанибрата с низшими означает потерять их уважение и дать сесть себе на шею.

Египтянин дает группе и берет от нее, подчиняется группе и получает вознаграждение за подчинение. Не то в его отношениях с государством, с властью, с бюрократической машиной. Особые функции государства на Востоке как распорядителя общественных работ, организатора системы общенациональной ирригации отмечались еще Карлом Марксом. Но функции главного инженера-ирригатора, которым был, видимо, правитель Египта в додинастический период, уже тысячелетия назад были отодвинуты на второй план функциями деспота, а для государственной бюрократии производственные задачи создания и поддержания дамб, плотин и каналов, распределения воды стали второстепенными по отношению к главному – выжиманию соков из населения, грабежу феллахов, “легальному” выколачиванию из них максимума возможного и невозможного, применению всех средств военно-полицейского, судебно-бюрократического, религиозно-идеологического воздействия для превращения феллаха, народа в покорную, послушную рабочую скотину. Народ или знал, или инстинктивно чувствовал, что без ирригации, организованной на государственном уровне, земледелие и жизнь невозможны. Только в этом смысле он “брал” от государства.

Отношения между властью и народом строились и строятся на недоверии и враждебности. Большинство египтян убеждено, что власть – это зло. Неудивительно, что еще с фараоновских времен власть опиралась на инонациональные войска. Дело кончилось тем, что и правящая прослойка стала инонациональной (хотя и египтизированной) и оставалась таковой вплоть до конца XIX века. Египтяне стали служить в армии, да и то сначала в качестве лишь солдат, только при Мухаммеде Али, являвшемся в первой половине XIX века практически независимым правителем Египта. Но даже сейчас армию называют “гейш ас-султа” – “армия власти”.

Положение армии изменилось на краткий период при Насере и во время Октябрьской войны 1973 года. “Кто те солдаты, что воевали на Синае? Они – дети крестьян”, – пел популярный слепой певец, кумир революционно настроенной молодежи Шейх Имам (слова Ахмеда Фуада Негма). Но после Насера вновь, как и раньше, для египтянина армия стала “армией власти”. Новобранца даже в мирное время провожают в армию плачем и причитаниями. Служить идет бедняк, который не может дать взятку врачу, осматривающему рекрута, или откупиться от службы, послав вместо себя другого.

Игра в демократию мало что изменила во взаимоотношениях народа и власти. Сколько сарказма мы находим в описании “выборов” в “Записках провинциального следователя” Тауфика аль-Хакима, и как современно они звучат!

“Полицейский чин (*мамур*) давал указания старостам-омдам:

– Смотри в оба, оmdа, вот ты! И он! Кандидат правительства должен пройти на выборах. Я вам все разъяснил, теперь мое дело – сторона. Вы уж сами смотрите... Понятно?

Они в один голос ответили:

– Понятно, бек.

Когда они вышли, мамур повернулся ко мне и, еле переводя дух, устало сказал:

– Вот уже два дня, как я этим занимаюсь [...]

Мамур подсел ко мне, спросив, по какому случаю я оказал ему честь своим визитом. Я ответил, что просто соскучился. Он улыбнулся, не веря такой платонической причине. Я не особенно настаивал и серьезно сказал:

– Вы слышали, господин мамур, что одного пристава избili и подвергли заключению во время исполнения служебных обязанностей?

После небольшой паузы он самодовольно ответил:

– Верьте в Аллаха – я мамур по чести. Я не такой, как те мамыры, которых вы знаете. Клянусь жизнью, я не вмешиваюсь в выборы, не оказываю

давления на свободу населения, не говорю: “Изберите этого, а того провалите”. Нет, нет и нет! В моих правилах предоставить людям полную свободу, пусть выбирают, кого хотят.

Я удивленно воскликнул:

– Замечательно, господин мамур! Только не опасны ли такие слова для человека на вашем посту?.. Вы великий человек!..

Он продолжал:

– Таков мой постоянный метод во время выборов: полная свобода! Я предоставляю полную свободу на выборах, чтобы они проходили нормально. Но потом я просто беру урну с бюллетенями и заменяю ее другой, подготовленной заранее”.

Минуло столетия. После выборов в парламент, проходивших в мае 1984 года, газета “Аль-Ахали”, орган Национально-прогрессивной юнионистской партии, писала, что правящая Национально-демократическая партия “убила мечту о демократии и свободе в Египте... Она не ограничилась откровенным вмешательством министра и административного аппарата в предвыборную борьбу, использованием в своих целях народных денег и общенациональных печати, радио и телевидения, но и пошла на сохранение своей власти с помощью прямого подлога и фальсификации самих выборов”. “Десятки тысяч избирателей не были допущены к голосованию”, – продолжала газета, а на тех участках, где оппозиция имела большие шансы на успех и где баллотировались видные деятели режима, правящая партия “прибегла к прямому насилию, запугиванию и шантажу”. Там представители оппозиции либо силой изгонялись с избирательных участков, либо вообще лишались доступа туда. Кандидатов оппозиционных партий захватывали в качестве заложников, на некоторых совершали покушения. Наемные бандиты нападали и на председателей избирательных комиссий, которые старались придерживаться закона. Все это происходило на глазах полиции, которая своим невмешательством, по сути дела, “встала на защиту террора”. В отсутствие представителей оппозиции, писала газета, члены правящей партии подкладывали в урны фальшивые бюллетени. “Надежда на демократическое изменение – иллюзия, а единственный язык, на котором могут говорить наши правители, – это язык насилия”, – утверждала “Аль-Ахали”.

Влиятельные и богатые семьи, которые господствуют в той или иной местности через систему патронажно-клиентельных отношений, – главное звено, которое обеспечивает победу на выборах. На них сосредоточено внимание правительства, которое делит между влиятельными семьями места в парламенте – Народном собрании, Консультативном совете (*Маджлис аш-шура*) и местном провинциальном совете.

Правящая Национально-демократическая партия, в которую входит большинство влиятельных семей, настолько срослась с госаппаратом, что воспринимается населением как его составная часть или его политическое крыло.

Перед одними парламентскими выборами Центр стратегических и политических исследований “Аль-Ахрам” вместе с преподавателями факультета экономики и политических наук Каирского университета провел опрос среди участников симпозиума. Вопрос был задан один: “Почему Национально-демократическая партия должна выиграть выборы?” В условиях анонимности респонденты были откровенны. Только один из них определил популярность партии в качестве главного фактора ее будущего успеха. 33 из 35 участников ответили, что причина – в мощи государственного аппарата и его способности контролировать средства массовой информации. 12 ответили, что выборы будут “жульническими”. В симпозиуме участвовали интеллектуалы, обслуживавшие истеблишмент. Их вряд ли можно было заподозрить в левых настроениях.

Способы воздействия на оппозиционные партии известны: информационная блокада, запрет проводить митинги под открытым небом, лишение или ограничение доступа к залам и другим закрытым помещениям, наплыв полицейских в избирательные округа, где возможна победа оппозиции, прямое запугивание избирателей, подтасовка итогов голосования, если желаемые результаты не достигнуты. Особенно помогает властям введение компьютеров в систему подсчета голосов. “Компьютер, который отвечал за порядок на выборах по партийным спискам, вел себя хорошо, – писал египетский сатирик отнюдь не левых убеждений, в газете “Аль-Ахбар”. – Он говорил, когда мы хотели, чтобы он говорил, и замолкал, когда мы ему приказывали замолкнуть. Сначала он объявил об избрании Халида Мохи эд-Дина (лидера левой

Национально-прогрессивной юнионистской партии. — А. В.). Но потом на него строго посмотрел чиновник, и компьютер тут же объявил о его провале. Хорошо помня, что он является служащим министерства внутренних дел, компьютер объявил, что все кандидаты Национал-демократической партии выиграли, а все оппозиционные кандидаты проиграли. Он перестарался, и на него обрушились ругательства, хотя он только подчинялся приказаниям. Затем компьютер объявил, что “Братья-мусульмане” и Социалистическая партия труда выиграли 40 мест, а вафдисты — ни одного. Некоторые кандидаты дали компьютеру по ребрам, после этого он заявил, что 40 вафдистов выиграли, а потом снизил эту цифру до 35”.

Сатирическая зарисовка в “Аль-Ахбар” — невинная фронда, которую позволила себе самая массовая официозная газета. Правительство могло ослаблять или натягивать вожжи, но почти вся пресса была впряжена в его колесницу. “Аль-Ахбар” выходила тиражом до миллиона экземпляров, а ее пятничное приложение “Ахбар аль-Яум” — более 1 миллиона 200 тысяч. Лишь “Аль-Ахрам” несколько уступала ей по тиражу, но она была более влиятельной и собирала больше рекламы, поэтому была богаче. Обойму правительственных газет дополняли “Аль-Гумхурия” и вечерняя “Аль-Маса”. Множились оппозиционные органы информации. Левый еженедельник “Аль-Ахали” изредка добирался до 100 тысяч экземпляров. Но оппозиционные газеты имели тираж значительно меньший, чем столпы египетской печати. 90 процентов всех читателей получали информацию из проправительственных источников.

Более или менее свободная пресса должна была критиковать режим, коррупцию, беззаконие, превышение власти и иногда позволяла себе делать это. Но в руках властей были возможности оказывать давление на журналистов, угрожать им, арестовывать их, но одновременно предоставлять льготы — дешевое жилье, более высокие пенсии, лечение и прочие блага. И в конце прошлого, и в начале нынешнего века шло непрерывное перетягивание каната между правительством и независимой прессой в условиях, когда над теми и другими нависала тень исламистов, в случае успеха которых рухнула бы в небытие и проправительственная, и оппозиционная печать.

Естественно, что главным средством воздействия на массы стало телевидение.

Электронные средства массовой информации находились под полным контролем правительства через группы *шилла*, связанные между собой личной дружбой, старыми связями, общими интересами. Они определяли и кадровые назначения, и взлеты, и падения тех или иных телевизионных звезд и радиожурналистов, программы, зарплаты, заказы на фильмы и рекламу. Когда аналитики из академического мира приглашались на телевидение, их ставили в жесткие рамки, чтобы они твердо знали границы дозволенного: кого они могут критиковать, а кого — нет.

Но все было не так просто в отношениях между режимом и оппозицией. Социально-политические реалии выбивались за рамки неписаных правил. Светские оппозиционеры — и либералы, и насеристы, и марксисты — ворчливо принимали правила политической игры, осуждая лишь эксцессы властей. Но когда в 80-е годы прошлого века на поле, предоставленное властями, пришли исламисты, они стали выигрывать. Среди оппозиционных сил они оказались лучше всех организованными, лучше обеспеченными финансами, они давали массам надежду и обещали перемены на их языке, соответствующем их чувствам, убеждениям, системе ценностей. Исламисты были как бы партией перемен, а светские оппозиционеры — партиями статус-кво. Несмотря на все препоны, исламисты в парламент прорвались.

* * *

...Свои дела простой египтянин предпочитает решать без обращения к властям, зная, что в государственных учреждениях его ждут проволочки и вымогательства. В пословицах говорится, что от власти надо держаться по-дальше и что тот, кто находится далеко от власти, живет в мире, спокойствии и безопасности: “Султан — это тот, кто не знает султана”. Но от власти султана трудно сбежать: “Того, кого не берет правитель, настигает смерть”.

Отношения между властями и народом пронизаны страхом и сомнением. “У стен есть уши” — эту пословицу знают и египтяне. Или же: “Сабля у влас-

ти длинная”. Так же народ относится к полицейским и солдатам: “Кто охраняет – тот и волк”. Армия традиционно означала репрессивную силу, и пословица говорит: “Никто не скажет: Эй, солдат, приди защити меня”. Но если ты попытаешься укрыться от власти, то не очень радуйся – бежать-то некуда: “Не радуйся тому, что ты спрятался, а радуйся тому, что с тобой стало”.

Пословицы говорят о том, что правителей надо бояться, ругая их только шепотом. Но с властью надо сотрудничать. Если нуждаешься в услуге и нужно дать взятку, то сделай это. Пословица звучит примерно так: “Положи на лапу, станешь большим шейхом”. Многие пословицы говорят о покорности, непротивлении, советуют не спорить с властью, отдавая предпочтение долголетию, повиновению воле судьбы.

Порожденные ощущением безысходности, многие пословицы сами помогали формировать общественно-психологический климат, в котором правитель мог бы злодействовать, не встречая сопротивления, “быть фараоном”, а фараон в народном языке – символ угнетения и несправедливости.

Египтянин не любит нести личную ответственность, потому что видит в ней и трудности, и опасности, которые угрожают ему и его семье. Он не хочет иметь свое собственное, отличное от других мнение. Есть пословица: “Спрячь свою голову среди других голов, иначе ее отрубят”. Или: “Я первый, кто подчиняется, и последний, кто бунтует”. Тип человека, который не говорит, не видит, не слышит.

Не таково положение людей, которые находятся при власти имущих, рядом с администрацией. Народ их не уважает, потому что тот, кто свое благополучие основывает на благополучии правителей и эмиров, не может вести достойную жизнь, становится карьеристом, прихлебателем.

Ряд пословиц рисует образ идеального правителя. Требования к нему у народа невелики, но, как говорит пословица, “он – в одном вади, а народ – в другом вади”, и его отделяют от народа прихлебатели и слуги. Пословицы говорят: “Если хочешь, чтобы тебе подчинялись, то отдавай приказы, которые можно выполнить”, “Не навязывай подданным слишком много солдат”.

Но: “Если правитель будет умеренным, то разбегутся подданные”, то есть если правитель будет править мягкой рукой, то его подданные разболтаются. Поэтому другая пословица дает жестокий совет: “Бей невинных, чтобы боялись и виноватые”.

Отношения правителя и подданных – отсутствие взаимного уважения, сомнение, ненависть. Правитель никогда не чувствовал себя в полной безопасности, ощущая себя временщиком, которому грозили смерть или изгнание. Недаром одна старинная пословица говорит: “Сын правителя – сирота”.

Простой человек не верит в силу закона и правосудие государственных органов. Отношения между кланами и семьями больше регулирует обычай кровной мести, видимо, тоже пришедший в Египет вместе с арабскими арабами, чем шариат и гражданские законы.

Однако чувства населения к власти сложны и противоречивы. Власть имущим не доверяют, их ненавидят, но им и завидуют, перед ними заискивают, хотя бы внешне. “Безмерное упрямство и непокорность сочетаются у египтян с подобострастием в манерах и речах”, – отмечал еще Э. У. Лэйн. Жизнь, быт, хозяйственная деятельность, успех и благополучие отдельно взятого человека зависят от его способностей и усилий в меньшей мере, чем от хороших отношений с властью имущими. Лицемерие и лизоблюдство – распространенный порок, хотя поражена им прежде всего бюрократия. Иерархичность общества требует послушания и покорности, а непротивление усиливает деспотизм. Даже небольшой египетский чиновник рад, когда получает хотя бы толику реальной власти.

Египетское общество традиционно иерархично. Расстояние между людьми в соответствии с местом в иерархии – это абсолютно необходимый элемент социального статуса, общепризнанная этическая норма. Взаимоотношения патрон–клиент – нормальное состояние и для египтянина, и для общества в целом. Полного доверия между патроном и клиентом нет – они просто должны играть свои роли. Патроны несут определенную ответственность за клиентов и помогают им в различных обстоятельствах. Но клиенты должны подчинять свои интересы интересам патрона. Это может быть и патриархальный патронаж, может быть жестокое угнетение. Доведенная до крайности эксплуатация означает, что патрон нарушает свои неписанные обязательства и может столк-

нуться с взрывом негодования и неподчинения, что, впрочем, в высшей степени редко. Эта логика распространяется и на взаимоотношения государства-патрона и граждан-клиентов. Если угнетение усиливается и становится невыносимым, то его жертвы могут пойти на безнадежные восстания, которые граничат с саморазрушением.

Если власть не предполагает ответственности, то она на вкус многих сладка, начиная с низжайших степеней. Только так я мог объяснить поведение какого-нибудь явно бедного посетителя кофейни, который с царственным видом требует свою чашечку кофе или протягивает ноги, чтобы на его туфли навел блеск мальчишка – чистильщик сапог. С неменьшим удовольствием во время киносеанса иной зритель подзывает разносчика кока-колы или жевательной резинки, хотя у лоточника при входе в кинотеатр все это дешевле. Но приятно хоть на миг почувствовать себя пашой.

Без иерархии, без власти египтянин не представляет себе общества. “У кого нет старшего, тот покупает себе старшего”, – говорит пословица, а другая утверждает: “Власть в деревне – на холме”. Господствует убеждение, что начальство, публичная или духовная власть обязательно нужны. Народ издевается в пословицах и в шутках над властью имущими, но где-то в глубине души у египтян сидит тоска по сильному, но мудрому и справедливому правителю.

Особенность производственной и общественной структуры Египта в том, что борьба против центральной власти необычайно трудна. Она должна быть или всеобщей, иначе – заранее обреченной, или должна быть заговором наверху, но тогда это не борьба против власти, а борьба за власть. Центр был сильнее любой провинции. Это объяснялось и тем, что разрубить кровеносную систему ирригации было невозможно. Наибольший упадок в стране наблюдался как раз в периоды появления элементов сепаратизма – хотя бы в XVI веке накануне османского завоевания или в конце XVIII века перед экспедицией Наполеона, когда не то чтобы нарушалась целостность хозяйственного механизма, а просто он недостаточно поддерживался.

Доведенный до отчаяния народ к бунту против власти прибегал лишь в крайних случаях, но даже в этих редких случаях то были городские низы, а не крестьяне. Если не грозила смерть, феллах предпочитал терпеть.

Помыслы и устремления крестьянина сводились к тому, чтобы выжить. Феллах Египта, возможно, первым на земле стал прибегать к пассивному сопротивлению, гражданскому неповиновению. Не выполнить приказ, утаить налоги, уклониться от выполнения невыгодного для тебя распоряжения, сказать “да” и тут же сделать все наоборот, “швейковать”, употребляя чешское выражение. Этими методами феллах Египта владеет в совершенстве.

Большинство простых египтян были чужими в обществе, которое жило за их счет. Они не могли воздействовать на ход событий. Чужая, враждебная сила принимала решения и навязывала феллахам их исполнение, не принимая во внимание ни их интересы, ни мнения. Это убивало в них не только способность действовать во имя изменения реального положения дел, но и веру в свое право на перемены, в свои способности осуществлять перемены.

Крестьяне почитают прошлое в условиях, когда нет надежды на будущее. “Тот, у кого нет старого, – у того нет и нового”, – утверждает народная мудрость.

Отношение египтян к новому отличается осторожностью и подозрительностью. Когда я спросил крестьянина, наблюдавшего за работой трактора, хотел бы он стать владельцем такой машины, он осторожно ответил: “Трактор – хорошо: он пашет землю лучше, чем буйвол, его не надо кормить. Но трактор не дает молока и не приносит телят, как буйволица. Его нельзя забить, продать его мясо, кожу”.

Планируя или обещая сделать что-либо, египтянин обязательно добавляет самое распространенное в арабских странах выражение, которое знает практически любой человек, побывавший в них: “*Иншалла*” (“Если пожелает Аллах”). Вам обещают прийти через час, если Аллах пожелает. Вам обещают починить холодильник или ботинки, принести покупку, приехать на автомашине, заказать билет или встретиться, не забывая добавить: “*Иншалла*”.

Видя, что власть постоянно лишает его права принимать решения, поставленный в жесткие рамки обычаев, египтянин нередко лишается духа предприимчивости, инициативы. Из опыта предков он усвоил, что инициатива

всегда наказуема или по меньшей мере бесполезна. От его личной предприимчивости мало что зависит. Спокойствие лучше всего сохранять в подчинении или хотя бы в видимости подчинения, а инициативу возложить на других. Когда нет кого-то, кто готов принять на себя ответственность, египтянин предпочитает бездействовать.

Но если власть, государство — и абстрактная сила, и вполне конкретная в лице низших чиновников — занимается лишь тем, что пытается возложить ответственность на человека, то его естественная реакция на это — уйти от ответственности, избежать ее. Разве не Аллах за все несет ответственность? Разве не судьба (*кадар*) определяет связь, последовательность, взаимозависимость событий? И разве не учит собственный опыт, что всегда и при всех обстоятельствах ответственность означала проигрыш, а не выигрыш? Принять решение самому — значит, принять на себя ответственность, а именно такой ситуации надо избегать.

“Одна из черт египетского крестьянина — уклоняться от решения проблем, рассредоточивать усилия в условиях обострения кризиса, когда требуется мобилизация решимости или сил для борьбы, для противостояния”, — пишет Иззат Хигази. Это находит свое отражение в египетском фольклоре, в египетских песнях. Крестьянин несет свои жалобы к усыпальнице местного святого или к колдуну. Но это происходит после того, как он не сумел найти живого существа, которому мог бы пожаловаться.

Ни разливы Нила, ни воля власти не предсказуемы, и на них крестьянин не может воздействовать. Поэтому лучше полагаться на судьбу, на Аллаха. Человеческие усилия, каковы бы они ни были, ничего не изменят. Поэтому лучше терпеть и покоряться.

“Терпение — добро”, “Терпение — достоинство”, “Терпение — прекрасно” — это самые распространенные в Египте пословицы. Их постоянно слышишь, их видишь выведенными вязью на бортах грузовиков, на витринах лавок, в учреждениях. “Терпение — лекарство от всех болезней, а недостаток терпения не лечит”, — говорит пословица. Терпение, а не инициатива, не борьба стало путем к достижению желаемого. Это стало первой заповедью народа, идущей едва ли не впереди исповедания веры, и несокрушимой добродетелью. “Долготерпеливых любит Аллах”, — говорит пословица, ставя знак божественной благодати и мудрости на этом свойстве характера. Ты терпел при фараонах и римлянах, при византийцах и халифах, при султанах и короле — всегда, во все времена. Терпи и сейчас, при капиталистах и помещиках, в зной и холод, в голод и жажду, в угнетении и унижениях, терпи и полагайся на везение. Недаром пословица говорит, что “*кырат* (мелкая мера площади. — **А. В.**) удачи лучше феддана ума”.

Если же тебе не повезет в этом мире, то воздастся в загробном. Единственной отрадой крестьянина становится надежда на справедливость и довольство в потустороннем мире. Религия в этом случае играет одну из своих основных функций, которую ученые называют компенсаторно-иллюзорной.

Терпение исповедуют низы, но его же проповедуют и верхи. Египетский социолог Хасан Ханефи назвал проповедь терпения в сочетании с упованием на потусторонние силы “опиумом для народа”. Она облегчает и оправдывает гнет. Превращает бедность в достоинство. Призывает довольствоваться малым, не требовать изменения своей участи, убивает мысль о бунте, о сопротивлении, оправдывает эгоизм, паразитизм и роскошь верхов. Все к лучшему в этом мире из миров. Ничего нельзя изменить. Удел труженика — работать, уповать на Аллаха и терпеть.

Выносливость, долготерпение, фатализм делают из египтянина хорошего солдата. “Из египетских крестьян можно подготовить отличных бойцов, — говорили мне наши офицеры, служившие советниками в египетской армии, — один на один египетский солдат не только не хуже израильянина, но, пожалуй, лучше него”. Они повторяли характеристику, данную египтянам Э. У. Лэйном полтора столетия назад: “Покорные властям феллахи проявляют мужество и храбрость в междоусобных стычках. Из них выходят прекрасные солдаты”. Но современная война требует принятия быстрых решений, инициативы, обязательности, точного соблюдения установленных сроков, координации действий в сочетании с элементами общей культуры, технического образования. Поэтому уже израильское подразделение чаще всего оказывалось сильнее египетского. Соотношение сил резко менялось на уровне

частей или соединений, где простое арифметическое сравнение численного состава противников могло бы вести в заблуждение.

Терпение предполагает сдержанность в поведении, в словах. Достойное, солидное поведение – необходимый атрибут людей пожилого возраста или стариков.

Но терпение и стремление к сдержанности в поведении и в выражении своих чувств отнюдь не означают бесчувствия. Эмоциональность египтян идет рука об руку с их терпением. Они легко возбуждаются и приходят в ярость, которая не знает границ. Их легко может спровоцировать малейший выпад. Э. У. Лэйн отмечал: “У египтян легко вспыхивают ссоры, особенно среди простонародья, и тогда в ход идут проклятия по адресу отцов, матерей, бород и проч., оскорбительные эпитеты вроде “сукин сын”, “сводник”, “свинья”... Когда один из ссорящихся оскорбляет отца второго, тот обычно отвечает оскорблениями по адресу и отца и матери первого, а иногда и всего семейства. Угрозы могут сыпаться градом, но редко сменяются ударами. Правда, я видел несколько раз, как люди низкого звания в ярости кусали и хватили друг друга за горло. Я также видел примеры выдержки и терпения среди людей среднего и высшего сословий, когда их грубо оскорбляли. Я не раз слышал, как египтянин, которого ударил равный, восклицал: Да благословит тебя Аллах! Да отплатит тебе Аллах добром! Ударь меня еще раз!”

Я не раз наблюдал уличную перебранку, когда страсти накаляются, в выражениях не церемонятся, крику много, но до драки дело доходит редко. Турок, например, в ответ на половину бранных слов, высказанных в такой ситуации, мог бы ударить. Но египтяне чувствуют границу и отходчивы. Вспыхнувшая ссора может быстро затухнуть.

“...Мы, египтяне, любим шутку, мы – большие специалисты по шуткам, – пишет египетский социолог и юрист Сейид Овейс. – Мы любим песни и развлечения, однако вместе с тем мы – народ, который много печалится. Мы плачем, когда печалимся, плачем также, когда радуемся.

Мы громко смеемся, однако мало улыбаемся. Если мы плачем, то плачем во весь голос. Мы часто печалимся, однако редко гневаемся. Но уж если мы гневаемся, то гнев охватывает нас, наполняет нашу грудь и парализует наше объективное мышление. Но если мы гневаемся, то быстро успокаиваемся. Гнев пролетает, как молния”.

Египетскую толпу легко возбудить. Это знают и политические, и религиозные деятели. Эмоциональное воздействие, взаимопонимание оратора и слушателей достигаются с помощью красноречия хорошим оратором без особого труда. Искусный оратор обращается прежде всего к чувствам, а не к рас судку. Явление это не уникальное, но для египтян характерное. Подлинным кумиром толпы был Гамаль Абдель Насер, но и Садата нельзя было считать заурядным оратором. Проповеди в мечетях по пятницам могут завораживать верующих. Египтяне любят находиться в массе, в толпе, участвовать в митингах, демонстрациях, которые многие из них воспринимают как редкое в жизни развлечение. Политические деятели разного калибра платят крестьянам или городской бедноте за участие в демонстрациях небольшой бакшиш, и люди криками, шумом, даже танцами стараются “отработать” полученные деньги, не задумываясь над политическим смыслом сборища. Другой искусственный способ вызвать энтузиазм – использовать “заводил”, находящихся в толпе. Они выкрикивают, обычно в соответствии со смыслом произносимой речи, но нередко и без него, как правило, в ритмической форме, лозунги, призывающие к преданности лидеру. Толпа с готовностью подхватывает их, особенно если энтузиазм искренен или стимулируется денежным вознаграждением, создавая единство или видимость единства говорящего и слушающего, лидера и народа. Наконец, специальные агенты полиции или правящей партии следят за тем, чтобы не допустить враждебных выкриков. Неудивительно, что массовые приветствия египтян производят впечатление даже на искусственных политических деятелей Запада, давно уже незнакомых с таким накалом эмоций. Хрущева в Египте приветствовало море восторженных египтян, но и американского президента Картера встречали не менее шумным восторгом.

Египет за последние десятилетия знал три массовых эмоциональных взрыва, выражавших и политические настроения. Первый – после речи Гамаль Абдель Насера, в которой он сложил с себя полномочия президента вслед за поражением в войне 1967 года. Диктор, который вел тогда программу, не

смог говорить после его выступления, захлебнувшись слезами. На несколько минут по всей стране наступила тишина, и затем разом вырвался многомиллионный крик “Ля!!!” (“Нет!”). Рыдающие толпы загрохотали на улицах всех городов от Асуана до Александрии, бушевали всю ночь, выражая преданность президенту. Политики и генералы, обсуждавшие кандидатуру преемника Насера, были сметены, как щепки. Насер остался у власти.

Второй раз толпы вышли на улицы три с небольшим года спустя, провожая гроб с телом президента Насера. В Каире было пять миллионов человек, охваченных неподдельной скорбью.

Время Садата тоже знало общенациональный размах народных эмоций, на этот раз негативных.

Есть предел, ниже которого долготерпение египтян взрывается бунтом. Миллионы разгневанных людей, которые в январе 1977 года вышли на улицы египетских городов в ответ на решение правительства поднять цены, — редкий, но яркий пример такого рода.

18 января было объявлено о повышении цен на хлеб, сахар, рис, бензин, газ. Государственные субсидии на товары широкого потребления уменьшались, и соответственно росли цены. Многие, если не большинство, жили тогда на десять пиастров в день, что означало двухразовое питание — лепешки, бобы, немного зелени. Увеличение расходов хотя бы на один пиастр ставило их на грань голода. Те, кто питался бобами и лепешками, видели алчных нуворишей, нагло демонстрировавших свои богатства. Мимо тех, кто висел на подножках переполненных автобусов, проезжали роскошные автомашины размером почти с этот автобус, в которых сидело по одному человеку. Люди, получавшие тогда в месяц по пятнадцать фунтов на семью, читали сообщения о краже многих тысяч и даже миллионов фунтов. Ожидая повышения цен, торговцы придерживали продукты на складах, и из магазинов стали исчезать сахар и рис.

Волнения начались стихийно сразу же после сообщения о повышении цен в промышленном пригороде Каира — Хелуане. Несколько предприятий, в том числе военных, охватила забастовка. Рабочие вышли на улицы и построили баррикады. Часть рабочих устремилась к центру города — площади Ат-Тахрир, где к ним присоединились студенты университета Айн-Шамс. Они направились к зданию Народного собрания с петицией протеста, однако полиция оттеснила демонстрантов, применив слезоточивые газы.

Сотни тысяч людей загрохотали город. Из старых автомобильных покрышек сложили баррикады и подожгли их. Полиция стала стрелять. Сотни людей были убиты и ранены. Демонстранты вооружились палками и камнями. В рабочих кварталах были подожжены здания полицейских участков. Демонстранты пытались прорваться в управление безопасности, но были остановлены усиленными нарядами полиции. В Гизе, на левом берегу Нила, на улицы вышли студенты Каирского университета.

Демонстранты срывали и уничтожали рекламы иностранных товаров, громили магазины, где продавались предметы роскоши, помещения дорогих гостиниц типа “Шератон”, били стекла легковых автомашин, поджигали полицейские и пожарные автомобили.

В Александрии демонстрации приняли еще более ожесточенный характер. Они проходили с утра до позднего вечера. Силы безопасности применили гранаты со слезоточивым газом и открыли огонь. Горели здания полицейских участков, некоторых магазинов.

В кульминационный момент демонстрации я находился на улице Каср аль-Айни, ведущей к площади Ат-Тахрир. Демонстранты скандировали лозунги: “Наши дети голодают!”, “Долой спекулянтов и воров!”, “Хлеба, хлеба!”. Люди несли портреты покойного президента Насера.

Демонстранты шли с правого берега Нила на левый. Сверкающие машины, двигавшиеся им навстречу, не успев развернуться, давали задний ход, словно в кинофильме, который стали крутить с конца.

В первый день волнений положение в городе до самого вечера оставалось неясным. Нужно было готовить репортаж, и мы с женой рискнули выехать в город, подбирая по дороге случайных прохожих. Жена сидела за рулем, а я расспрашивал людей о том, что, где и как происходило. Полутемный Каир был тих, но грозен и напряжен. Изредка где-то раздавались выстрелы. На улице Пирамид зияли окна разгромленных и разграбленных увеселитель-

ных заведений. Все рекламы иностранных товаров, практически недоступных населению, были разбиты. Университетский мост был пуст. Обитатели фешенебельных кварталов спрятались за опущенными жалюзи. Ближе к старому городу людей стало больше. На площади Атабы, видимо, произошло настоящее побоище – вся она была усыпана камнями и битым стеклом. Одну из улиц перегораживала горящая баррикада, другую – отряд полицейских в касках и со щитами. Улица, ведущая к университету “Аль-Азхар”, была полна людьми. Мы неразумно повернули в ту сторону. В нашу машину набились подростки, несколько человек уселись на капот и багажник. По их репликам я понял, что мы были для них чужими, враждебными людьми. Дело решали секунды. Вот-вот могла начаться расправа. Я успел выкрикнуть по-арабски: “Грех! Проклятие Аллаха будет на вас! Что вы хотите сделать с добрыми, честными людьми?” На несколько мгновений они оторопели. Мы успели развернуться и направить автомашину в сторону полицейских. Ребята спрыгнули с капота и багажника, оставшиеся высыпали из машины, не доезжая до отряда полицейских. Мы повернули в сторону единственной свободной улицы, где не было ни баррикад, ни полицейских.

Погасли фонари. Лишь кое-где пылали костры. Мост Абу-Аля, ведущий в район Замалек, где мы жили, оказался блокирован баррикадой из горящих автопокрышек. Мы добрались домой круглым путем, опять через университетский мост.

Египтяне добились отмены решения о повышении цен. Их гнев утих. Репрессивный аппарат действовал все жестче. Было арестовано несколько тысяч людей, обвиненных в “коммунистическом заговоре”. Народ терпел и молчал.

Таких волнений Египет не знал вплоть до сегодняшнего дня.

Египтяне быстро возбуждаются и быстро успокаиваются. Это справедливо и для отдельного человека, и для толпы. После бурных январских событий люди вернулись к повседневным делам и заботам. Но не все. В армии уже зрел заговор против президента, но мотивы его были не социальные, а религиозные. Об этом разговор – позднее.

Когда Садата убили, ему устроили торжественные похороны. Они проходили в столице. Народа и скорби явно не хватало. За гробом Садата шло шестьсот человек. “Народ безмолвствовал”.

Однажды египетский литератор Ибрахим Абдель Кадер аль-Мазни упрекнул своих соотечественников в том, что они предаются роскошной жизни и лени, уходят от борьбы. Острый и умный взгляд другого писателя, будущего лауреата Нобелевской премии Нагиба Махфуза, сразу отметил, что эти высказывания не могут быть применимы к народу, большинство которого – трудящиеся, а они-то живут, по словам писателя, согласно лозунгу: “От каждого – по его возможностям, и каждому столько, сколько ему могут помочь при его жизни”.

В полемике между двумя египетскими литераторами отразились старые разногласия в оценке трудолюбия египтян. Любой мало-мальски здравомыслящий наблюдатель отметит как расистские обвинения египетского народа в лени. О трудолюбии феллаха мы уже говорили. “Праздность – черта, характерная для всех слоев населения, за исключением тех, кто вынужден добывать пропитание тяжелым физическим трудом... – отмечал Э. У. Лэйн. – Носильщик, конюх, бегущий перед хозяйской лошадей, лодочник, которому в тихую и жаркую погоду часто приходится с берега тянуть и вверх по течению, – такие люди трудятся в поте лица своего”.

Э. У. Лэйн описывал быт и нравы египтян прежде всего в городе. Он не упоминал феллахов только потому, что их труд и трудолюбие очевидны.

Трудолюбие – отличительная черта подавляющей части населения. Мы уже говорили, что феллах работает в жару и холод, в жидкой грязи или на сухом поле, нередко полуголодный. Он и его семья кормятся трудом. И здравый смысл, и опыт, и унаследованный от предков инстинкт требуют от него трудолюбия.

Однако, попав в город, оторвавшись от привычных трудовых и социальных условий, вчерашний феллах не всегда сохраняет трудолюбие. Новые, современные формы труда и производства требуют иной трудовой дисциплины, иного отношения к труду, ломки привычек и психологии. Все это происходит не за один день и не за год. Египтянина, как уже отмечалось, угнетают современные требования исполнения работы в срок или точные часы встречи. Не-

обязательность в смысле времени – довольно распространенная черта египтян, и отнюдь не только в наше время. “Очень редко египтянин выполняет приказ с точностью: почти наверняка он предпочтет делать все по-своему и вряд ли закончит работу к обещанному сроку”, – писал Э. У. Лэйн.

В современном производстве, в современных сферах деятельности занята небольшая часть вчерашних крестьян, переселившихся в города. Безработица и полубезработица, затягиваясь, превращаются в хроническое состояние. Они разлагают людей, разрушают их привычку к труду, создают паразитические настроения.

Главными препятствиями (если не считать болезней и плохого питания) на пути увеличения как трудовых усилий, так и инициативы, предприимчивости служат социально-политическая система и груз прошлого. Кто лучше и больше трудился, с того больше брали налогов. Увеличение трудовых затрат свыше привычных, традиционных, как правило, не вознаграждалось соответствующим ростом жизненных благ. Стимула к росту производительности труда не было.

Трудовая этика египтян, да и практически всех народов Ближнего и Среднего Востока, предусматривает не любовь к труду как таковому, а стремление к плодам этого труда. Возможность уменьшить трудовые затраты ценится выше плодов от больших усилий. Э. У. Лэйн писал: “Даже рабочие, особенно жадные до денег, тратят по два дня на работу, с которой можно управиться за сутки, и способны отложить выполнение самого выгодного заказа ради того, чтобы полежать, для того, чтобы понежиться и выкурить трубку”.

Известное изречение “время – деньги”, высказанное в трактатах Бенджамина Франклина и ставшее лозунгом капиталистической деловитости, не находит отклика в душах большинства египтян. Зачем спешить, если спокойствие желаннее приобретательства, если кайф прекрасен? Разве не говорит пословица: “Поспешность – от черта”? Египтяне согласятся с тем, что труд – богоугодное дело, но отнюдь не станут считать грехом обеспеченную праздность, бесполезную трату времени. Они не считают труд предначертанной свыше целью существования человека. “Пуританская этика”, о которой писал Макс Вебер, египтянам чужда.

Сошлюсь на собственные наблюдения. Наш бавваб (человек, выполнявший в доме функции и дворника, и консьержа) едва ли не большую часть времени величественно восседал на стуле у парадного подъезда. Парадную лестницу он мыл не очень регулярно, но зато с мылом, а к черному ходу не прикасался. Грязь и выброшенные вещи оттуда убирали мусорщики-заббали, взрослые и подростки, приехавшие в тележках, запряженных осликами. Или другой пример. Мойщик автомобиля не раз нанимал безработных или мальчишек, чтобы они протирали автомашины жильцов, предпочитая провести часок-другой за разговором с баввабом и чашкой кофе.

Египетские рабочие-эмигранты пользуются спросом в арабских нефтедобывающих государствах. Конечно, их трудовые навыки несравнимо выше, чем у бывших кочевников. Зарплата у эмигрантов, по египетским стандартам, очень высокая, а контроль за трудом – жесткий. За границей они работают иногда на износ, но идеал большинства – вернуться домой, чтобы отдохнуть от трудов.

Труд всегда был тяжелой повинностью, а трудящийся – униженным, угнетенным членом общества или, точнее, человеком вне общества. Неудивительно, что для феллаха, рабочего, ремесленника плоды труда – досуг и отдых – важнее самого труда. Отношения к труду как к религиозному или общественному долгу или осуждения праздности состоятельного человека общество в Египте, как и в других мусульманских странах, в целом не знает. Хотя есть и пословицы, славящие трудолюбие, и соответствующие предания о жизни и деятельности пророка Мухаммеда. Высший идеал обычного египтянина – райское блаженство, предусматривающее все доступные воображению наслаждения при полной праздности.

Отношение к труду с позиции его результата переключается и с отношением к наживе. Конечно, за исключением искренних дервишей или убежденных революционеров, любой египтянин хотел бы иметь больше материальных благ, чем у него есть. Среди египтян – все чаще! – попадаются хваткие бизнесмены, беспощадные эксплуататоры, торговцы, которые поклоняются только золотому тельцу. Но и алчный египтянин не лишен, пожалуй, приступов

щедлости. Этого от него требуют общественное мнение, религия, здравый смысл. Вспомним одно из эгалитаристских положений ислама: “Легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому попасть в рай”.

Свойства эти у египтян – отнюдь не производные нашей эпохи. Сошлюсь на Э. У. Лэйна, писавшего: “Египтяне и щедры и жадны одновременно. Совмещение двух столь противоположных качеств в одном характере удивительно, но так уж устроен этот народ”. Его замечание в большой степени справедливо и для наших дней.

Ни пуритански-аскетический образ жизни периода первоначального накопления капитала, ни апофеоз жадности бальзаковского Гобсека не находят себе аналогов в египетском обществе. Египтянам не придет в голову считать доходность своих занятий и высокую прибыль нравственным и богоугодным делом. Слова идеологов европейского пуританства – “не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть” – вызовут в Египте недоуменную улыбку и пожимание плечами.

Тяжелая жизнь, гнет, бедность, несъятый стол не лишают египтянина жизнерадостности. Его любовь к шутке, остроумному словцу, анекдоту, юмору, злой сатире – всему, что обозначается словом “*нукта*”, – поражает. Ни у кого из других народов Востока я не встречал такого чувства юмора, как у египтян. У турок юмор ближе к нашему, русскому, но не так распространен, как в Египте. “В шутке – лекарство”, – говорит египетская пословица.

Нукта – иногда оборона, иногда нападение. Она помогает египтянину сохранить жизнерадостность в обстоятельствах, толкающих к унынию и упадку настроения, преодолеть тоску и горе, всласть поиздеваться над эксплуататорами или чиновниками, восстановить хотя бы на миг униженное человеческое достоинство, показать хотя бы фигу в кармане. Оскорбленный человек через нукта выпустит пары гнева и восстановит душевное равновесие, не предприняв никаких действий.

Некоторые египтяне не просто уходят от тяжелой действительности в глухую оборону, а бегут от нее. Чувства безнадежности, невозможности изменить жизнь, унижения заставляют немало их число искать забвение в наркотиках. Запрет ислама на их употребление не менее строг, чем запрет на употребление алкогольных напитков. Торговля наркотиками – тяжкое преступление. Однако их употребляют куда больше, чем вино, виски, водку.

Одной лишь дешевизной и доступностью наркотиков этого не объяснишь. Алкоголь в больших количествах отупляет, обольщает. В маленьких дозах он временно повышает активность, агрессивность. Египтянин ищет успокоения, умиротворения, сновидений наяву, фантазий. Это дают наркотики. Не сходя с места, он становится свободным, сильным, богатым, счастливым. Наркоман – не просто слабый человек, неспособный к борьбе. Он – человек, переживший упадок духа, долгий период разочарований, отчуждения от общества, неверия во власть и справедливость. У человека, одурманенного наркотиками, на краткий миг как будто бы решены все проблемы бытия, философии и религии, все противоречия заменяются гармонией, уходит душевная боль. Фатализм находит в наркомании свое высшее выражение. Но наркотики означают все убыстряющуюся моральную и физическую деградацию, распад человеческой личности.

Опиумом и гашишем в Египте торгуют почти в открытую. Во многих кофейнях в наргиле (курительный аппарат, в котором при вдохе дым проходит через воду) вместе с табаком закладывают комочек наркотика. Это или опиум – высушенный сок незрелых семенных коробочек мака, или гашиш – смесь смолистых веществ, выделяемых соцветиями индийской конопли.

Оба наркотика известны на Востоке с незапамятных времен. Гашиш употребляли и суфии, чтобы довести себя до состояния экстаза. Курильщика гашиша, или – ближе к арабскому произношению – “*хашиша*”, называют *хашшаш*. Во времена Крестовых походов бесстрашных воинов-убийц из секты исмаилитов, которых шейхи подсылали для расправы с предводителями рыцарей-крестоносцев, одурманивали гашишем. В просторечии множественное число от хашшаш – хашшашин. Отбросив “х” и изменив “ш” на “с”, мы получим слово “*ассасины*”, пришедшее в нашу историческую литературу из западноевропейских языков. А в английском, французском, итальянском языках глагол “убивать” того же корня.

К счастью, наркотики в Египте употребляют все же немногие, хотя число наркоманов растет. Зато чай пьют очень крепкий, почти чифирь, и очень

сладкий. Обычай пить чай египтяне переняли у английских и индийских солдат во время Первой мировой войны. Беднейшие слои населения пристрастились к нему настолько, что даже многократное повышение цен не сократило его потребление.

Употреблением кофе мир обязан арабам. Его действие открыли, видимо, в XIII–XIV веках. Йеменцы и эфиопы оспаривают право считаться его первооткрывателями. Опять-таки именно суфии стали использовать бодрящие свойства кофе для экстатических танцев и ночных бдений. Во времена пророка Мухаммеда кофе не знали, поэтому некоторые улемы и в Египте, и в других странах яростно оспаривали его дозволенность. Новый напиток то разрешали, то запрещали, пока он себя не утвердил и не легализовался. В Европу кофе попал через турок. В наши дни без чашечки кофе или небольшого, похожего на мензурку стакана чая не обходится в Египте деловая встреча или дружеская беседа. Эти напитки пьют и в фешенебельном кафе столицы – “Гроппи”, и в самой захудалой кофейне в отдаленной деревне. Египтяне любят не спеша выкурить наргиле и выпить чашечку кофе со стаканом холодной воды в многолюдной кофейне.

Но мы отвлеклись...

И осознанное, и инстинктивное чувство противоположности интересов отдельного человека, группы и государства, власти привело египтянина к максимальной осторожности, ставшей для многих второй натурой. Люди научились скрывать свои мысли, чувства, намерения, говорить вслух то, что от них ждут, но во что они не верят, думать одно, а произносить другое, резко ограждая от внешнего надзора свой внутренний мир, круг своих подлинных интересов. Доверяют только своим родственникам или близким друзьям. Чужак вообще подозрителен, а власть имущий – всегда чужак. Египтяне традиционно знали много тайных обществ и секретных организаций.

“Язык твой – враг твой” – эта пословица существует и в Египте в нескольких вариантах. Народная мудрость утверждает: “Язык – твоя крепость, сохраняешь его – он защищает тебя, предашь его – он предаст тебя”.

“Мы говорим то, в чем мы не убеждены, и мы убеждены в том, чего не говорим, – пишет египетский социолог Хасан Ханефи. – Мы видим и не говорим. Наша пословица: “Храни свой секрет, и ты будешь хозяином положения”. Мы слышим и не говорим: “О, сердце! Слушай слова, а само молчи”. Мы избегаем свидетельствовать: “О, мой глаз! Он видел, но не замечал, что-то случилось, а я сидел в своем доме”. Мы предпочитаем ничего не слышать, чтобы ничего не говорить: “Одно ухо залеплено глиной, а другое – тестом”.

Много раз в деликатных или сложных обстоятельствах я убеждался, насколько труден прямой и откровенный разговор с египтянином. Но он труден и между самими египтянами. Собеседник нередко скрывает свои убеждения, мысли и хочет прежде всего узнать ваши мысли и убеждения, а затем уверить вас, что согласен с ними. Египтянин должен выяснить, насколько можно доверять собеседнику, выслушать его, взвесить, прикинуть: а какой смысл скрыт между строк, нет ли тут двойного дна, уловить, когда “да” означает “нет” или “может быть”, а когда “нет” означает “да” или тоже “может быть”. Разговор стал искусством и средством достижения какой-либо цели, особенно если египтянин ведет его с иностранцем или властью имущим или думает, что его собеседник – власть имущий. Выяснить подлинные намерения собеседника – нелегкая задача.

В Египте и среди простого народа, и в литературе, и в поэзии, и в журналистике распространены двойное толкование слов, скрытый смысл, спрятанный под обычными фразами и понятный лишь посвященным. Одна из причин этого – влияние суфизма и суфийского наследия. Суфии предпочитают объясняться символами, намеками, которые остаются книгой за семью печатями для непосвященных и тем более недоступны власти имущим или ортодоксальным улемам.

В этом смысле Египет не уникален. В Иране я сталкивался с подобным же способом маскировки сокровенных мыслей и намерений, но там он распространен еще больше и достиг еще более изощренных форм – сказывается традиция шиизма, религии угнетенных, символизм и двойное дно персидской поэзии, сказываются история преследования шиитов со стороны их правителей – суннитов.

Египтяне нередко говорят обиняками, ходят вокруг да около темы. Если нет уверенности в положительном исходе беседы, в достижении цели, если

собеседник не понял или не захотел понять намека, египтянин все равно доволен: ведь он не получил отрицательного ответа, не испортил отношений, “не потерял лица”. “Прощупывание пульса” – важнейшее предисловие к началу важного разговора.

За обычными словами в серьезном, остром разговоре порой трудно найти мысль. Главная цель произнесенного слова – подготовить собеседника к тому, чтобы он воспринял высказанное тобой, а вторая цель – расположить его к себе, сблизиться с ним. Острая политическая борьба – одно, а личная вражда – другое дело. Личные связи не всегда совпадают с партийной преданностью, а тем более с политическими или философскими убеждениями. Газетные полемисты, обменивающиеся язвительными и порой оскорбительными выпадами или эпитетами, могут по вечерам вместе играть в домино или крикет в одном клубе.

Муджамалят, умение говорить то, что от тебя хотят услышать, – искусство, которым египтяне владеют в совершенстве, которое сбивает с толку многих иностранцев. “Ба! Да ведь это марксист и наш подлинный друг!” – воскликнул после беседы с каким-то египтянином молодой советский дипломат, только что прибывший в Каир. “Вот истинный сторонник западных ценностей и друг США!” – убежденно произнес американский бизнесмен, поговорив с тем же самым египтянином. В обоих случаях египтянин был искренен и честен... перед самим собой. Он просто хотел сделать приятное собеседнику, расположить его к себе, заручиться дружбой... на всякий случай, а слова – они и есть слова.

В Египте удивительно легко устанавливаются поверхностные контакты и псевдодружеские отношения даже в период официальных разногласий между странами. Их облегчают обычная египетская вежливость и гостеприимство. Но подлинное доверие, дружба и откровенность – дело трудное. Если иностранцу удалось внушить доверие, завести настоящих друзей, он может чувствовать себя королем.

Еще одно проявление суфийского влияния, тесно связанное с тем, о чем только что шла речь, – отделение внутреннего от внешнего, сути от ее словесного оформления, от формы. Внутреннее – всегда важнее. В глазах суфиев жалок человек, отдающий предпочтение внешнему. Египетские пословицы осуждают тех, кто пускает пыль в глаза, у кого внутреннее содержание совершенно не соответствует внешнему поведению. “На брюхе шелк, а в брюхе – щелк” – эта русская пословица имеет точный эквивалент в народных изречениях египтян. Они же с усмешкой говорят: “Он, как павлин, любит свои перьями”; или: “Не каждый, кто взгромоздился на лошадь, – всадник”. Или еще злее: “Внутри – хам, зато какие манеры”.

“Душа нараспашку” – и у русских эта черта характера вызывает все-таки оттенок иронии, хотя в принципе считается положительной. В Египте “душа нараспашку”, особенно по отношению к чужаку, – немыслима.

В кругу семьи говорят об одном, в кругу друзей – о другом, а уж для всеобщего сведения и перед чужими – о третьем. Поэтому средства массовой информации большинство просто не доверяет, отыскивая подлинный, сокровенный смысл за правительственной пропагандой. В этих условиях слух нередко приобретает достоверность факта.

Суфии утверждают вечную противоположность внешнего и внутреннего. Однако народный инстинкт и стремление к идеалу все же выше всего ставят единство между внутренним и внешним и осуждают разрыв как нечто ненормальное: “Подобно слою масла в лампе: сверху – огонь, а внизу – вода”.

Но идеалы для египтян – на то и идеалы, что труднодостижимы, а чаще совсем недостижимы. В жизни не только убеждение и слово, но тем более слово и дело отнюдь не всегда совпадают. “Раздвоенность египетской природы проявляется еще и в резком расхождении между словом и делом”, – пишет Хасан Ханефи.

Одна из причин этого – отсутствие для большинства реального поля деятельности. Слова превращаются в способ иллюзорного действия, дают надежду убежать от действительности, которую невозможно изменить и которой нечего противопоставить. Поэтому слова без содержания, слово ради слова, слово, не подразумевающее действие, стали характерной чертой общества в Египте, да и во многих других арабских странах.

Писатель Юсуф аль-Каид в романе “Война на земле Египта” замечает: “У каждого поколения своя судьба, а судьба сынов Египта такова, что наши ам-

биции были больше, чем наши возможности... Кончилась эпоха войн. Но сейчас Египет вступил в эпоху слов. А так как слова вскармливают друг друга, сейчас земля Египта будет знать только правление слов”.

Склонность толочь воду в ступе, разрыв между словом и делом – характерная особенность религиозных догматических упражнений, которые оказывают столь значительное влияние на формирование психологии и образа мышления верующих. “Толкование” какого-либо священного текста, как правило, означает повторение одной и той же мысли другими словами. Но толкователь при этом “выигрывает”, потому что не несет никакой ответственности за свое “толкование”, в котором нет ни грана нового.

Потенциальная творческая общественная энергия уходит в слова в том случае, если дело оказывается недостижимым или невозможным. Занимаются определением, описанием намерения, потому что способов исполнения намерения не знают. Наследие Средневековья? Да. Но какого? В раннеисламском Средневековье, эпохе творческого, синтезирующего ислама, этого не было. Застой, самоуспокоенность, упадок привели к догматическому повторению слов, к словам ради слов.

Слова нередко завораживают египтян и вообще арабов. Красноречием упиваются и произносящий слова, и слушающий их. Арабы любят свой язык и справедливо гордятся им. Не проходя через фильтр логики или размышления, слова сразу воздействуют на эмоции. Звучный, богатый, синонимичный арабский язык был одной из основных форм проявления арабского художественного гения, для которого ислам закрыл путь в живопись и пластику. Опять же говорить, а не действовать – самое безопасное. “Лающая собака не кусает”. Может быть, лучше всего следовать совету другой поговорки: “Воспользуйся словами шейха, но не его делами”.

Но не всеми “словами шейха” воспользуешься. Египетское общество – мужское общество. Отношения с женщинами жестко регламентированы обычаем и шариатом. Существует полиция нравов. В городах, да и в состоятельных семьях в деревнях требуют, чтобы женщина закрывала тело и волосы, оставляя открытыми лишь лицо, кисти рук и ступни ног. Но чем больше запрета, тем больше соблазна. Чем больше одежды, тем сильнее хочется оголиться... по большей части хотя бы на словах. Святоши осуждают “испорченность нравов” на Западе, но сластолюбиво рассматривают легко одетых европейских женщин и часто говорят о вопросах пола. Об интимных сторонах человеческих отношений начинают говорить с детства. А сколько на эту тему разговоров среди молодежи, особенно при поздних браках мужчин!

Как египтяне относятся сами к себе? Для большинства их родина – “Умм ад-Дунья”, “Мать мира”, мировой цивилизации. Египтяне – лучшие люди на Земле и, конечно же, лучшие из арабов, обладающие всеми известными человеческими достоинствами. Подобного рода самооценками полны средства массовой информации, литература, выступления ораторов.

“Первая национальная черта и историческая задача египтян в том, что они творят цивилизацию, – писал популярный каирский литератор Хусейн Фавзи, автор книги “Египетский Синдбад”. – Египтянин был золотом сверхчистой пробы. Место его было в царстве на небесах”. Национальный характер египтян не могла изменить история, и они “всегда египтизируют своих завоевателей”, – добавлял он.

Полемизировать с такими высказываниями так же трудно, как и соглашаться с ними. Подобные сентенции – продукт не научного анализа, а эмоций, результат личного жизненного опыта автора или его претензий, суммы его собственных взглядов или предрассудков или плод художественного воображения.

Для значительной части египетской интеллигенции вопрос самооценки, определения места и роли Египта в мире всегда был одним из центральных в системе их мировоззрения. Преданность родине, гордость за ее великую цивилизацию, ее блестящее прошлое сочетаются с явным или скрытым комплексом неполноценности по отношению к Западу. После поражения в арабо-израильской войне 1967 года египетская интеллигенция предалась самокритике – явлению исключительно для Египта, искала пути и средства к модернизации не только общества, его социально-политической структуры, но и национального характера. Его отрицательные черты решительно, иногда чрезмерно выставлялись на свет, подвергались уничтожающей критике или осмеянию. Краткий

период самовосхваления и самоуспокоенности после войны 1973 года вновь сменился тягостными раздумьями и спорами о судьбах народа и страны.

“Романтический подход к попытке понять египетский национальный характер не поможет оценке истинного положения дел, — писал Иззат Хигази в исследовании “Египетский национальный характер между отрицательными и положительными свойствами”. — Опасные вызовы, с которыми сталкиваются египтяне внутри и вне страны, требуют реалистического подхода к своему национальному характеру. Необходимо дать объективную оценку как его позитивных, так и отрицательных черт, для того чтобы наметить здравую политику изменения общества”. Основные черты национального характера египтян, считал он, — следствие общественных условий, в которых жил феллах многие поколения, и, в частности, отношения между властью и различными общественными силами в Египте. “Главный ключ к объяснению национального характера, — по его мнению, — это природное и политическое единство страны и относительная стабильность на протяжении истории. Неудивительно, что относительная закоренелость — одна из основных черт египетского национального характера. Вместе с тем в египетском национальном характере постоянно происходит внутренняя борьба. Разные черты могут проявляться по-разному, в зависимости от общественных условий. И египтянин в состоянии преодолеть свои отрицательные черты”.

Публицист Абдель Азиз Рифаи в книге “Положительные и отрицательные стороны египетской личности” решил сравнить черты национального характера египтян и латинских народов. Он пришел к выводу, что у египтян неприхотливость и удовлетворенность являются абсолютными, у латинских народов — относительными, поэтому романские народы отличаются скепсисом, а египтяне — оптимизмом. Египтяне, полагал он, никогда не были скептиками. Если египтянин проявляет склонность обращаться к чувству и разуму, то француз — к разуму и логике.

Социолог Хамид Омар утверждал, что египтяне “отличаются гибкостью и умением подлаживаться, умением скрывать подлинные чувства за приятным обращением, преувеличенно относиться к самоутверждению, но одновременно стремятся уменьшить социальную ответственность; они отличаются склонностью к индивидуалистическим действиям и отвергают коллективизм”. Его определение, как и многие предыдущие, отнюдь не бесспорно, хотя он и оговаривается, что все эти свойства характера являются “прямым следствием социальных, экономических и политических условий различных форм организации общества и разных режимов”. Они, эти свойства характера, не являются “естественными” в египтянах, а “сложилась при определенных обстоятельствах, они не вечны и могут изменяться”. За тем египетским характером, который сконструировал этот социолог, стоит личностный подход, определяемый болью за положение народа и состояние общества. Но его резкие суждения и упрощенные характеристики, его сугубо критическое отношение к национальному характеру не раз использовались во враждебной арабам пропаганде.

Читая горькие и порой несправедливые высказывания Хамида Омара в поисках контраргументов, вспоминаешь личный опыт. Я встречал египтян, сделанных из другого теста.

Доктор экономики Фуад Мурси — большеголовый, большегубый, низенький, широкоплечий, коротконогий — идеальный объект для карикатуристов, но с обаятельной, располагающей к себе улыбкой, умный, остроумный и абсолютно честный. Один из лидеров левых, он пять лет просидел при Насере в концлагере. С барачной койки президент передвинул его в кресло министра снабжения. Фуад Мурси усмехался: “На мою скромную квартиру и невеликие литературные доходы все жулики Египта смотрят с ухмылкой. Ты бы мог стать миллионером за два месяца и мультимиллионером за два года, говорят мне”. Он стал одним из лидеров левой Национально-прогрессивной партии и одним из ее самых острых перьев.

“Новая группа паразитов вторглась в Египет через широчайшие двери экономической политики открытых дверей, — писал Фуад Мурси. — За пять лет они добились того, чего иностранный колониализм не мог добиться за семьдесят лет. Новый класс сосредоточил свою деятельность в торговле, особенно импортной, а также в туризме, транспорте, мажорстве, спекуляциях валютой и недвижимостью. Этот новый класс использует те же самые методы, что и иностранный капитализм, который врывается в какую-нибудь стра-

ну, чтобы колонизировать ее, ограбить и обокрасть...” Левый насерист и марксист, он не отвечал веяниям времени, не показывал выхода из ситуации – последняя четверть XX века была свидетелем триумфа рыночной экономики. Но он всегда был верен своим принципам, и кто знает, может быть, его идеи еще пригодятся Египту...

Фуад Мурси написал предисловие к египетскому изданию моей книги “Нефть Залива и арабская проблема”. Я не привык к гиперболизации, которой нередко злоупотребляют египтяне, и долго уговаривал его снизить на несколько ступеней хвалебные эпитеты в мой адрес, но он отшучивался: “Ты хочешь, чтобы твоя книга продавалась? Терпи мое предисловие!”

Потом пришла новость, как выстрел: в сентябре 1980 года, в ходе массовых репрессий его схватили, обвинив в шпионаже в пользу Советского Союза. Ему грозило пожизненное заключение. Садата убили, обвинения рассыпались. Он вышел на свободу, и буквально через два месяца мы встретились в Каире и горячо обнялись. Его бесил не арест, не угроза пожизненного заключения, а обвинение в шпионаже. “Я – политический лидер с известными политическими взглядами. Я готов идти за них в тюрьму. Мое убеждение – тесное сотрудничество Египта с СССР в национальных интересах Египта. Я говорил это и говорю открыто. Но обвинять в шпионаже... какая безмерная подлость!”

Мы встретились два года спустя в Москве. Он был настроен философски: “Египет извлек свой национальный характер из своей земли и Нила. Нил научил крестьянина работать, а с помощью коллективного труда египтянин смог подчинить себе Нил. Такова основа египетской цивилизации и египетской души”.

Развал СССР и крах марксистской идеологии стали личной трагедией Фуада Мурси. Он перестал контролировать свои эмоции, гонял на автомашине с бешеной скоростью и погиб в автокатастрофе на шоссе Каир–Александрия.

Я храню дома его большой портрет, сделанный в виде плаката...

В Египте у меня были еще два друга. Судьбы их подобны легенде.

Поэт Ахмед Фуад Негм писал стихи, далекие от канонов классической арабской поэзии. Слепой музыкант Шейх Имам пел, импровизируя, на свадьбах чужие песни под аккомпанемент уда – струнного инструмента.

В один из жарких летних дней 1962 года их познакомили. Негм прочитал несколько стихотворений. Шейх Имам исполнил песни в своей обработке. Они решили работать вместе и не расставались много лет. Их имена стали известны в арабском мире от Атлантики до Персидского залива.

Негм родился в безземельной крестьянской семье и с семи до семнадцати лет батрачил. Характер юноши окреп в лишениях. В душе будущего поэта навсегда сохранились образы родной деревни: утренний туман над Нилом, вздохи буйволов, запахи прекрасной, доброй египетской земли. Он запомнил прибаутки бродячих торговцев, сказки, что рассказывали старики, легенды, древние, как пирамиды. Негм был чернорабочим, разносчиком, железнодорожником. Потом первые профсоюзы. Стачки, тюрьма.

– В тюрьме политические заключенные дали мне “Мать” Горького. Я был потрясен. Затем читал Чехова, Достоевского, Толстого, Тургенева.

– Ты называешь русские имена, чтобы сделать мне приятное?

Искренние, живые глаза поэта смотрели из-под густых, слегка вьющихся, наполовину седых волос.

– Нет, потому что это было действительно так. Далекая река русской литературы пробивается среди наших пустынь, и из нее пьют все, кому дорога собственная культура.

Шейх Имам слеп почти от рождения. Сын феллаха выжил назло превратностям судьбы. Подростком он выучил наизусть Коран, переехал в Каир, чтобы изучать богословие. Но звуки мира, и особенно звуки музыки, переполняли его. Имама пригласили в своем доме музыкант, слепой, как и он сам, и обучил играть на уде, петь и сочинять.

Негм и Шейх Имам обратились к египтянам с темами, которые волновали их сердца. Музыкант использовал народные мотивы, дервишские молитвенные гимны, но внес в них дыхание и ритмы эпохи. Песни Негма – Шейха Имама стали петь египетские рабочие, они звучали на студенческих сходках, в палестинских лагерях Ливана.

В стихах Негма – боль за Египет, в который он верил. Его герой – человек из народа. В одном из стихотворений, написанных в виде тюремной анкеты, он говорил:

*Имя — Терпеливый.
Обвинение — египтянин.
Возраст — младше современного.
Цвет кожи — смуглый.
Место рождения — любое убогое жилище.
Под небом на земле Египта,
Под сенью пальмы,
В долине или дельте Нила,
Только не во дворце.*

В другом стихотворении — упреки тем, кто за чашкой кофе красиво рассуждает о страданиях масс, а на самом деле готов торговать своей “революционностью”. Поэт призывал интеллигенцию служить народу. За правду, за бунт его не раз бросали в тюрьму.

Мы встречались у него дома. Циновка на полу в тесной комнатухе. Полки с книгами и тахта. Маленькие стулья. За окнами — набитый беднотой квартал Аль-Гури. В соседнем помещении — Шейх Имам. Поэт был юношески легок в движениях, хотя ему тогда уже исполнилось сорок восемь, и он был болен. “Меня нельзя сломить. Меня можно только убить, как убили Бико в Южной Африке”, — говорил он.

Поздно вечером Негм вышел проводить меня. Темные фасады облупившихся домов, изогнутые переулочки, где не проедет автомашина, фонари прошлого века, могучая стена мамлюкской крепости над домишками... “Здесь мои корни, мои темы, мои слушатели, — сказал Негм. — Я умру, если оборвутся мои связи с этими людьми”.

Я увидел его и Шейха Имама снова в здании военного трибунала. Их обвиняли в том, что они сочиняют и поют песни, “возбуждая сомнения в честности власти”. Защитник убедительно и не без иронии доказал, что трибунал не компетентен судить поэта и музыканта и что решение передать их дело в военный суд было противозаконным.

Трибунал приговорил поэта к году каторжных работ. Со спокойной улыбкой он кивнул мне на прощание. Больше мы не встречались.

Потом я узнал, что они поссорились и расстались. Судьба художников, творцов... не мне быть им судьей.

Прошли годы. Шейха Имама не стало. Ахмед Фуад Негм пишет стихи и иногда даже выступает по телевидению. Но не вернуть время, когда его стихотворение “На смерть Че Гевары”, положенное на музыку слепым певцом, стало культовым для арабских леваков от Атлантики до Персидского залива. Настало другое время, с другими песнями.

И Фуад Мурси, и Ахмед Фуад Негм, и Шейх Имам — египтяне. Они тоже плоть от плоти египетского народа. Таких, как они, мало, слишком мало, но они — кофеин в чае, искра в хворосте для костра. Был бы только хворост сухим...

На Западе и в Израиле изучение национального характера египтян, как и других народов, вызывает не просто интерес читающей, любознательной публики и тех, кто по стечению обстоятельств общается с египтянами. Учет национального характера народов стал необходимой составной частью при разработке внешней политики и организации производства, при военной подготовке и пропаганде, в торговле и планировании, деловых и культурных связях.

Нельзя сказать, чтобы национальный характер арабов, в частности египтян, раньше выпадал из поля зрения востоковедов или политиков, занимавшихся Ближним Востоком. Достаточно вспомнить прокламации Наполеона в Египте, в которых он пытался играть на антитурецких чувствах арабов. Но характер египтян изучали и в Израиле, готовясь к войне. Изучали на Западе, тоже готовясь к войне, но больше в политических, экономических, торговых и других целях. Это была одна сторона медали, на другой была четко обозначена задача — создать с помощью средств массовой информации негативный стереотип араба, египтянина для потребления западного обывателя. Блестящие исследования ряда западных ученых, окрашенные симпатией к арабам, не находили доступа к массовому читателю или телезрителю.

Задача создания отрицательного стереотипа араба выполнялась тем проще, что она накладывалась на вздорный, мифический образ арабов, всех арабов — от Марокко до Ирака, создаваемый Голливудом, дешевой литерату-

рой и СМИ Запада: арабы – не внушающие доверия люди, готовые убивать, торговцы наркотиками, секретами, оружием, женщинами; они носят экзотические одежды, ездят на верблюдах, предаются похоти в гаремах, устраивают заговоры в городах-крепостях.

Не случайно получившая широкую известность в кругах западных интеллектуалов книга Эдварда Саида “Ориентализм” была не только научным исследованием, но и криком его раненой души. Литературовед и политолог, американец палестинского происхождения, христианин, он обвинил всю западную ориенталистику в очернении Востока во славу торжествующего Запада. Кое в чем он был пристрастен, кое-кого из выдающихся ориенталистов, влюбленных в Восток, он игнорировал, но, как говорит китайская пословица, “палку не перегибнешь – палку не выпрямишь”.

Тезис о превосходстве европейцев и американцев над всеми “цветными”, западной цивилизации над всеми прочими, западной культуры над восточной – основа европео-американского расизма как в XIX–XX, так и в начале нашего столетия. Пусть он стал скрытым и утонченным, но суть его не изменилась. “Одна полка с книгами из хорошей европейской библиотеки стоит всего национального наследия Индии и Аравийского полуострова!” – воскликнул один из подобных “ученых”-европейцев в начале прошлого века. Сейчас такие вещи вслух не говорят, но есть люди, которые так думают.

Сквозь призму подобных убеждений смешным и непонятным выглядело стремление “отсталых” египтян и вообще арабов к политической независимости, экономической самостоятельности и социальному прогрессу. Как можно всерьез обсуждать подобные требования со стороны людей, отличительные свойства которых – “отсталость, неспособность к прогрессу, лень, отсутствие выдержки, дисциплины, лживость”? Как можно выбирать их сторону в их столкновении с израильянами – “динамичным, трудолюбивым, передовым народом, организованным, демократическим, искренним, готовым к самопожертвованию во имя идеалов”?

Метод создания стереотипов был отлажен. Взять одну-две черты, действительно существующие в национальном характере арабов-египтян, и возвести их в абсолюты, оторвать от контекста, от причинно-следственных связей, объявить “врожденными” и “неизменными”, отрицать как перемены, так и их возможности и делать это, замалчивая все позитивное, что есть в национальном характере египтян, других арабов.

Некоторые антропологи и социальные психологи Запада активно используют самокритичные высказывания арабских исследователей о своем национальном характере, для которых эпиграфом могли бы быть известные слова русского поэта: “То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть”.

Сейид Ясин, видный египетский социолог, бывший одно время директором Центра политических и стратегических исследований при газете “Аль-Ахрам”, специально изучил работы израильских социальных антропологов, посвященные арабскому национальному характеру, и пришел к выводу: “Они полностью игнорируют взгляды египтян на положительные стороны египетского национального характера, чтобы дать целиком негативную картину. Из-под их пера выходит образ египтянина как воплощение закостенелости, неизменности в течение веков, неспособности к прогрессу, к организации и переменам нашего века. Они пытаются доказать господство негативных черт в национальном характере египтян и утверждают, что эти их черты – врожденные. Глубочайшие и быстрые изменения в национальном характере они замечать не хотят... Можно сделать вывод, – продолжал он, – что большая часть западного анализа арабского национального характера имела лишь одну главную цель – исказить подлинную картину”. Может быть, в этих словах содержится полемическое преувеличение, но зерно истины есть.

Не означало ли это, что египетские ученые и публицисты должны были спрятать собственные взгляды и суждения, предаться самовосхвалению, бежать от реализма в область мифологии? Отнюдь нет. И в самокопании, и в спорах, и в самокритике был залог самосовершенствования и движения вперед. А это было безмерно важнее пропагандистских аргументов, которые мог извлечь противник или просто недоброжелатель из такой самокритики.

Тот же Сейид Ясин хорошо уловил эти “сверхзадачи” самокритики. Он писал позднее: “Прогрессивные арабские мыслители довольно часто сосредоточивали внимание на негативных сторонах арабской личности, пытаясь

вызвать столкновение, шок современного арабского самосознания, чтобы ускорить развитие революционных перемен, модернизировать и арабский ум, и арабское общество”.

Египтяне, которые пытались “вызвать шок современного арабского самосознания”, оставались горсткой среди подавляющего большинства живущих в мире традиционных ценностей и идеалов. В этом была трагедия и тех и других. Одни хотели осовременить общество, мышление, национальный характер на благо людей, но сами-то массы не хотели модернизироваться, видя в происходящих переменмах лишь ухудшение своего положения. И споры и метания интеллектуалов-прогрессистов были далеки и чужды большинству. Земные проблемы лепешки хлеба, крыши над головой, питьевой воды, здоровья или болезни сужали его, большинства, горизонт до забот сегодняшнего дня, а завтра представлялось неясным, как небо, задымленное хамсином. Они предпочитали молитву, а не критический анализ. Они знали проверенный предками, впитанный с молоком матери, растворенный в воде Нила ответ на все превратности судьбы – терпение. В терпении – высший идеал, достоинство, надежда. В терпении – спасение от невзгод. Короче, *“Ас-сабр – хэйр!”*